

Медина Мирай

ВОСКРЕСНИ ЗА 40 ДНЕЙ

Полмиллиона читателей на Wattpad

*Зачем
ты
был
в моей
жизни?*

18+

Медина Мирай

Воскресни за 40 дней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32837371

Воскресни за 40 дней: АСТ;

ISBN 978-5-17-115386-1

Аннотация

Медина Мирай – автор интернет-бестселлеров «Воскресни за 40 дней», «Синтонимы» и «Школония», завоевавших любовь тысяч читателей. Роман «Воскресни за 40 дней», выпущенный интернет-издательством Ridero, вошел в топ-30 популярных книг на Ridero из 100 000 других. Кроме того, он не раз становился бестселлером ЛитРес и даже попал в список бестселлеров OZON.ru по версии Ridero. На самиздат-платформе Wattpad у книги более 500 000 прочтений. Медина Мирай ведет свою группу во ВКонтакте, насчитывающую 11 000 человек.

Еще вчера он ходил в школу, читал книги и ссорился с мамой из-за мелочей. Сегодня его нет. Одна ошибка, один необдуманный шаг стоили ему всего. Чтобы вернуться к жизни, ему нужно найти и спасти единственного в мире человека, который увидит его, услышит и сможет прикоснуться. Семь миллиардов человек, сорок дней и одна несбыточная мечта – снова жить.

Содержание

1	5
2	9
3	18
4	23
5	29
6	35
7	43
8	48
9	56
10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Медина Мирай

Воскресни за 40 дней

Когда летишь с моста, понимаешь, что все твои проблемы решаемы. Кроме одной. Ты уже летишь с моста.

Выживший самоубийца

© Медина Мирай, текст, 2017

© Медина Мирай, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

1

– Ты думал удивить меня этим? – презрительно спрашивал он, сжимая в руках мою открытку.

Я делал ее со всей любовью, вложил в нее частичку себя, а теперь эту частичку растоптали, просто уничтожили. Вместе со мной.

Парни вокруг злорадно захохотали. Они показывали на меня пальцами, словно я был с ног до головы облит грязью.

Мне было больно смотреть на него. На его светлом лице растянулась ухмылка, от которой в горле встал ком, а его ни с чем не сравнимые голубые глаза были полны презрения.

И на что я надеялся? Будь на моем месте милая симпатичная девушка, на его лице была бы благодарная улыбка, а не злобная усмешка. Но перед ним сидел на земле низкорослый парень с растрепанными каштановыми волосами. Этот неудачник был больше похож на дошкольника. Он уродлив для себя, одноклассников и всех окружающих. Несмотря на все старания, он всегда выделялся на фоне других туповатостью, непониманием школьных предметов и неуклюжестью. Сверстников раздражало в нем все, начиная от школьной формы, которую в классе больше никто не носил, и заканчивая поступками.

И этим неудачником был именно я, четырнадцатилетний паренек по имени Даан.

– А давайте выльем на него голубую краску? – предложил один из недалеких громил. Один его неряшливый вид вызывал тошноту. У него были ужасная внешность и скверный характер. Казалось, запах перегара и чипсов достался ему с рождения – это зловоние следовало за ним повсюду.

– Нет, для него это будет слишком просто, – отозвался пацан в зеленой кепке, известный в школе как «красавчик». Он действительно был привлекательным. Мне нравились его волосы, зачесанные назад, одежда от известных нидерландских модельеров. Но характером он напоминал типичного бабника из дешевого сериала. Его звали Джесси.

– Предлагаю рассказать об этом всему классу... Да что уж там – школе.

Я стоял, не поднимая глаз. Лишь изредка посматривал на выпирающие костяшки кулаков.

Я не смел взглянуть на *него*, не смел больше думать о любви к *нему*, пусть и чувствовал, что она все еще жива во мне. Будучи униженным другими, я унижал себя еще сильнее.

Как же глупо было решиться на этот поступок! На что я надеялся, если даже ни разу не говорил с ним? Как вообще мог подумать, что люблю его?

Каждый раз, когда я видел его в окружении кокетливых девушек, меня сжирала ревность. В моменты, когда очередная подружка протягивала ему новую сигарету, мне хотелось вырвать ее из рук и растоптать.

Я осознавал, что болен им. Болен настолько, что даже имя

старался не произносить, потому что в такие моменты все мое тело деревенело. Алексис...

В груди защемило от обиды. Стыд, казалось, материализовался, придавил к земле, повис грузом на шее. Я не мог поднять полные слез глаза. Хотелось зарыдать, но каждый раз приходилось останавливать себя огромным усилием воли. Несколько слезинок дали себе волю и разбились о сжатые кулаки. Я захныкал. Прикрыл лицо руками, скрывая свое и без того уродливое лицо, которое теперь казалось в разы уродливее из-за прилившей к мокрым щекам крови.

– Смотрите, он плачет! – закричал кто-то, и вслед за ним все начали громко смеяться.

Это добило меня окончательно. В оглушительном хохоте я не различил лишь его голоса. Меня распирало желание взглянуть на него, но страх увидеть искажившиеся в смехе лица кучки балбесов не давал этого сделать.

Что-то упало прямо передо мной. Я разжал пальцы. Возле меня лежал смятый комок из плотной бумаги цвета хаки.

– Мне это не нужно, – холодно произнес Алексис.

Слова подействовали как электрошок. Я позабыл о том, как уродливо выгляжу, и убрал руки от лица.

В его глазах невозможно было что-то прочесть. Они были безжизненно пустыми, ничего не выражающими, будто перед ним не человек, а какой-то бесполезный предмет. Или вещь. Никогда не замечал, чтобы он проявлял ко мне хоть какие-то человеческие чувства.

Я убежал. Бегство казалось единственным решением всех проблем, но осознание того, что от такой грязи мне никогда не отмыться, не проходило.

2

С тех пор прошло ровно четыре года. Я почти забыл о жизни в Амстердаме.

Моя депрессия после того позора стала плодородной почвой для новых родительских ссор. Они и без этого кричали друг на друга почти каждый вечер. Порой у меня складывалось впечатление, что мама с папой делают это специально, пытаясь найти какой-нибудь предлог для развода.

И этим живым предлогом стал именно я: мое поведение, мужское воспитание, которое в меня не заложил постоянно работающий отец Джимбо, отсутствие характера и прочие минусы.

Папа приходил после работы уставшим, а на кухне, помимо холодного ужина, ждала раздраженная мама, готовая обложить его матом с ног до головы из-за того, что тот заявился слишком поздно. Я видел в его потухших глазах проблески сожаления о том, что он позволил надеть на себя это ярмо. Он был заложником семейных уз, и однажды я дал себе обещание, что никогда не подпишусь на такие страдания.

Инициатором большинства склок становилась моя мама, Христа. «Женщина на иголках». Порой она и на мне срывалась. Раздувала из мелочи проблему галактического масштаба. Должен признаться, иногда я специально не поднимал трубку, когда она звонила. Делал все, лишь бы не слы-

шать ее истеричный голос.

Родители все же добились развода. Счастливый отец остался в Амстердаме в просторном доме. Без хлопот, каких-то сосунков вроде меня и истеричек типа мамы. Мы же с ней переехали в Фризенвейн – маленький уютный городок в Нидерландах.

Люди тут, стоит отметить, очень приветливые и добрые. Атмосфера в городке помогла мне раскрыться: я взялся за учебу, читал книги запоем, засыпал с ними, подолгу не ел, в очередной раз выучивая формулы. Делал все, лишь бы оправдать надежды мамы. Но она не обращала внимания. В старой школе меня считали умственно отсталым, но за четыре года усердных занятий я вышел на уровень, превосходивший все ожидания моих нынешних учителей. Они пророчили мне большое будущее, а я все не видел маминой улыбки. Она была единственным человеком, в чьей поддержке я нуждался.

В новой школе я впервые заметил обращенные ко мне лица сверстников, полные дружелюбия. Общение с одноклассниками не пробуждало во мне букета комплексов. Впервые внимание на меня обратили девушки. Особо востребованным я стал ближе к семнадцати годам. Бывшие одноклассники уже никогда не смогли бы узнать во мне того забитого трусливого простачка. Перед ними возник бы образ по-прежнему стеснительного, высокого стройного парня с густыми взъерошенными каштановыми волосами и все теми

же синими глазами.

Все чаще и чаще я слышал, как девушки шепотом обсуждали меня за спиной. Такое внимание с их стороны вводило в ступор.

Безусловно, очень приятно нравиться кому-то, чувствовать, что ты нужен, знать, что кто-то думает о тебе днями и ночами, но... я гей. И об этом не знал никто. Тяжело видеть расстроенные взгляды девчонок, которым ты только что беспричинно отказал. Они уходили, оставляя меня гадать: о чем они думают, сильно ли страдают и что будут делать теперь.

Однажды я увидел записку у себя на парте.

«Жду тебя сегодня на крыше после занятий».

Мне впервые приходилось получать подобное послание, но горький привкус предстоящего разговора был хорошо знаком. Складывая записку пополам и быстро пряча ее в карман джинсов подальше от любопытных одноклассников, я уже знал, что меня ждет.

Возле перил, ограждающих крышу, стояла невысокая стройная девушка. На ветру развевались ее каштановые волосы, трепетала юбка до колен, а черные колготки обтягивали тонкие ноги. Пусть я и не разглядел черт ее лица из-за плохого зрения, но откуда-то точно знал – она улыбается.

– Ты догадываешься, зачем я позвала тебя сюда? – спросила она нежным голосом.

– Да.

– Я красивая?

В ее вопросе явно слышалось желание услышать «да».

И оно исполнилось.

– Да.

Она подбежала к перилам и повернулась к ним спиной.

– Скажи, Даан, что ты обо мне думаешь? Ты ведь наверняка никогда не видел меня в школе, поэтому я хочу услышать твое первое впечатление.

– Ты кажешься очень милой... – И это было правдой, пусть я и не мог рассмотреть ее в лучах закатного солнца. – Скромной, воспитанной...

– Тебе нравятся такие, как я?

Повисла пауза ровно в три секунды, за которые родилась короткая ложь:

– Да.

Она впилась в перила пальцами. Мною завладело острое желание развернуться и уйти, лишь бы не чувствовать на себе ее пристальный взгляд. Девушка будто сканировала меня глазами с ног до головы. Они все так делали. Как же я ненавидел такие моменты! Складывалось впечатление, что сам себе не принадлежишь и все твои мысли, сущность и желания выставляются напоказ.

– А ты бы стал встречаться с такой, как я?

Мне стоило усилий сохранить выражение приветливости на лице. Но это было ошибкой. Я привык к тому, что хотя бы четко вижу тех, кто мне признается и выражает желание встречаться. Отказывать им было куда легче. Нужно просто

показать свою задумчивость, опустить печальный взгляд и помолчать секунд десять, а потом ответить отрицательно. Но в этот раз все было не как обычно. Все же я смог разомкнуть губы и ответить.

– Нет, – слетело с моих уст.

Она повернулась лицом к перилам и, как умелая воровка, пролезла между прутьями.

– Стой! – Слова летели впустую.

Я никогда не мог точно передать голосом эмоции. В сердце втыкались иглы, а слова звучали равнодушно.

Девушка запустила руку в карман. Вытащила оттуда, кажется, телефон. Несколько секунд он был в ее руках, а потом она медленно вернула его обратно.

Ее руки обхватили перила. Пятками она уперлась в край крыши и запрокинула голову назад.

Она молчала. Глотала воздух, а я стоял, не смея шевельнуться, боясь даже лишний раз громко вздохнуть.

Она резко наклонила голову вперед. Волосы упали на лицо, ломая образ прилежной ученицы.

– Ты был моей последней надеждой...

И скрылась за перилами. Слова растворились в шуме листьев.

Я бросился вперед.

Она выглядела как сломанная кукла. У нее были прикрыты глаза, точно у спящей; вокруг головы растекалась лужа крови, а на лице виднелась едва заметная улыбка.

Меня душили слезы. Я хотел прыгнуть вслед за ней, лишь бы избавиться от чувства вины.

Еще никогда за восемнадцать лет я не думал, что могу поломать чью-то жизнь. Вот так легко, просто сказав слово «нет».

Казалось, что вся эта история с крышей, запиской и разговором на расстоянии – ее план по завладению моим сердцем, ведь еще никто до нее не делал мне таких признаний. А люди обычно запоминают тех, кто сделал что-то не как все.

Быть может, даже ее смерть в случае отказа была частью плана, и прямо тогда, когда я смотрел на ее сломанное тело, она все еще ждала, что я отвечу ей «да».

«Если я скажу тебе эту ложь, вернешься ли ты назад?»

Элана. Элана. Элана. Имя несчастной доносилось из-за каждого угла школьного коридора.

С тех пор я просыпался и засыпал с мыслью, что погубил человека. Ее последние слова эхом проносились в ушах. Она являлась мне в кошмарах в крови и пыталась сбросить меня с крыши. Однажды, увидев подобный сон, я не мог заснуть до самого утра.

Ближе к пяти, когда солнце начало осыпать город розовыми лучами, мне захотелось выйти на улицу. Округа спала. Лишь изредка можно было услышать вдалеке шорох автомобильных шин.

Ноги сами привели меня на невысокий пригорок за городом, откуда я мог наблюдать за рассветом. Здесь царила ти-

шина.

Я лег на холодную землю. Тело расслабилось, глаза закрылись сами собой. Где-то неподалеку пели птицы, встречая прохладное утро. Шелестела трава, щекодавшая мне уши и лицо. Все это постепенно заставило позабыть о проблемах и подумать о жизни. Я оглянулся вокруг. Заметил, насколько необъятен мир вокруг. Насколько прекрасен пейзаж, который в это утро видел лишь я. Мой восхищенный взгляд упал на ветхий домик у подножья пригорка. Любопытство взяло верх. Я направился туда.

Внутри меня ждал уют в стиле прошлого века. Но место было явно заброшено. Доски пронзительно скрипели, навевая страх. Ветхие двери могли слететь с петель от каждого движения. Света не было. На столе в коридорчике стояла ржавая лампа. Окна, прикрытые дырявыми занавесками, были в желтых пятнах. Но я нигде не заметил пыли.

Узкий проход привел меня в небольшую спальню. Кровать стояла напротив окна, и лучи пробудившегося солнца не смогли бы потревожить меня. Я улегся в прохладную постель и, не успев натянуть на себя одеяло, провалился в сон. Его сюжет стерся из памяти, но впервые за долгое время сон оставил в душе приятный осадок.

Но не это удивило меня, когда я проснулся, а то, что кто-то укрыл меня теплым одеялом.

– Ну и где ты был?! – именно этой фразой встретила меня раздраженная мама.

Ее волосы еще не успели высохнуть, и плечи салатового халата пропитывались влагой. Она уперла руки в бока и слегка сгорбилась, как важная старушенция. Мама преследовала меня до самой комнаты, одновременно ругая за все существующие на свете грехи, вспоминая мои давние промахи и не забывая изрядно их преувеличивать.

– Я был на пригорке и уснул там...

– Что за бред ты несешь?

Конечно, можно было рассказать ей правду, но разве могут еще современные взрослые, потерявшие всякую человечность из-за кучи проблем и вечной нехватки времени, понять то, что испытывал я в тот момент на природе?

Порой мне кажется, что взрослые – бесчувственные существа. Они не живут, а просто существуют. Я презираю их. Жизнь этих людей такая однообразная и скучная. Меня тянет расплакаться и пожалеть их, как бездомных котят. Маленьких, грязных, жестоких зверьков, которые потеряли радость жизни и думают только о том, как выжить. Они – рабы системы. Я рад, что, кроме них, есть еще те, кто действительно живет. Для кого каждый день – это новая жизнь.

Где-то еще полчаса мама читала лекцию о том, что я ее

сын и она обязана знать чуть ли не о каждом моем вздохе. Как же это эгоистично и цинично!

– Нужно говорить, когда ты уходишь из дома.

Да-да, причитает так, будто она пустила бы меня куда-нибудь в пять утра. Взрослые часто говорят нам не делать то, чем сами тайно промышляют. Несправедливо, не правда ли?

– Вчера нам поступил заказ: нужно отнести большую корзину цветов по этому адресу. – Она протянула мне мятый листочек.

Я едва смог разобрать написанное. Почерк как у пьяного врача. Хотя доктора и без спиртного пишут как алкоголики. Пора им уже придумать азбуку или ввести их язык в гугл-переводчик, чтобы можно было сфотографировать через программу и рядом увидеть расшифровку.

– Я немного знаю этих людей. Очень хорошие и вежливые. Недавно у них произошло несчастье, и они заказали цветы.

Мама работала флористом. Очень приятная профессия. В доме всегда пахло свежестью, но порой смесь цветочных запахов доводила до тошноты. Магазинчик находился здесь же.

Плотно позавтракав бутербродами со стаканом молока, я начал одеваться. Погода могла поменяться за считанные секунды, что типично для Нидерландов. Я выбрал не слишком теплую толстовку, джинсы и кеды.

– Только не потратить полученные деньги! – крикнула мне вслед мама.

Она говорила это каждый раз, когда я доставлял заказ. Для меня это было оскорбительно. Неужели она считала, что ее восемнадцатилетний сын способен растратить деньги, которых в семье и так немного, на какую-нибудь ерунду? Тем более я не пил и не курил. Скверно, если так.

Корзина была завернута в несколько слоев целлофановой пленки. Под ней я едва мог разглядеть детали букета.

Дом заказчика находился в четырех кварталах от моего. За то время, пока я проходил это небольшое расстояние, погода успела поменяться раз пять. Сначала полил грибной дождик, на смену пришел ветер, потом солнце выглянуло из-за облаков, вновь немного поморосило, и опять подуло.

Я добрался до места назначения. Через большие окна были видно, что дом полон людей.

Постучал. Услышал за дверями несколько не самых приятных выражений в адрес «незваного гостя». Вслед за этим послышался топот ног. Я сделал шаг назад – вдруг мне врежут по носу. В дверной проем протиснулась красная мужская рожа.

– Что надо? – глухо спросил хозяин, распространяя вокруг вонь спиртного.

Похоже, у бедолаги в доме шумно похмеляются после ночной вечеринки. Не сказать, что у него панихида.

Мужчина вызывал неприязнь: на этой розовой, как у свињи, морде росла жесткая щетина, кожа поблескивала от пота, губы в жире, узкий лоб зарос волосами, густые брови и

волосы на голове сально блестели.

Господи, это ужасно.

– В-вы Дональд Грех? – Уверенность в моем голосе всегда угасала при виде незнакомых неопрятных людей.

– Я, а че надо-то?

– Вы заказывали корзину цветов...

– Точно! – вдруг вскрикнул мужчина и отклонил голову в сторону. – Эй, Лина! Я же говорил, мне должны принести цветы памяти Абигейл! А я все думал, о чем забыл! А ты мне... Лина, блин, для кого я горло деру?!

– Она в туалете, – слышался чей-то ленивый женский голос.

– Вот сука, – улыбнулся мужчина и обратил на меня грозный взор: – Заходи, пацан.

Приглашение вызвало рвотный позыв. Мне хотелось поскорее получить деньги и уйти подальше от этого дома, и это желание возросло в разы, когда я очутился внутри. Дом насквозь пропитался зловонием алкоголя, сигарет и пота. Стоило сделать даже маленький вдох, как сразу же накатывала тошнота.

Я боялся испачкаться воздухом. Едва-едва дышал ртом, наблюдая за тем, как мужчина не в лучшей физической форме и в одних поношенных трусах копошился в карманах потрепанных джинсов, что висели на стуле. За его спиной на стене расплывалось что-то зеленое и блестящее, больше похожее на... От этой мысли я сглотнул, подавляя желание бле-

вануть.

Для меня вид подобной жизни в Фризенвейне стал настоящим шоком. Мне казалось, люди в этом городке, все до единого, опрятны и плохо относятся к вредным привычкам. Интересно, какие еще темные уголки здесь таятся?

– Держи. – Мужчина сжал мою руку.

Он явно не хотел расставаться с деньгами. Скомканная купюра лежала на моей ладони. Даже в полутемной комнате я разглядел что-то мокрое, что после себя оставила рука заказчика. Без капельки стеснения я вытер ладонь о штанину, уже планируя дома закинуть джинсы в стиральную машину.

Я вышел на улицу и будто очутился в другой реальности после ужасного жилища мистера Греха. С чувством выполненного долга аккуратно положил деньги в карман толстовки и направился в сторону дома.

Пройдя квартал, я приблизился к темному переулку, как вдруг сзади послышались шаги. Сначала я не обращал на них внимания, но с каждой секундой они становились все громче и громче. Так продолжалось до тех пор, пока некто в капюшоне не прошел мимо меня. Я случайно заметил его лицо. Вернее, часть черной маски.

Он ускорил шаг. Завернул за угол и спустя пару секунд бесследно исчез.

На душе у меня стало тревожно. В поисках успокоения я засунул руку в карман, где лежали деньги. Сердце мое пропустило удар от страха – деньги пропали.

Я медленно вошел в дом. Темно. Все лампы выключены. Не работал даже телевизор. Сгущающиеся тучи заволокли небо, и от этого внутри было сумрачно.

– Даан, это ты? – донесся голос мамы из гостиной.

Я не мог выдавить из себя ответ. Руки дрожали от страха и ожидания предстоящего разговора.

Радостная мама выбежала из гостиной и включила свет в коридоре. При виде моего подавленного состояния с ее лица исчезла улыбка.

– Ну что? – сказала она. – Давай.

И протянула руку.

Я отвел взгляд в сторону. Она скрестила руки на груди и оперлась о косяк двери головой. Пронизывающий взгляд серых глаз испепелил меня прежде, чем в ход вступили резкие слова:

– Где деньги?

– Мама, клянусь, я правда отнес цветы, получил деньги, но по дороге домой у меня их украли! Какой-то парень прошел мимо и...

– Что? – загробным голосом спросила она. Казалось, ее глаза вот-вот выскочат из орбит. Тонкие губы сложились в бледный бантик. – Что ты сейчас сказал? – Вопрос прозвучал очень грозно. Она сжала кулаки так, что ногти впились

в ладонь.

– У меня украли деньги.

Я сделал шаг назад. Все тело окоченело от шока и пылало огнем одновременно. От волнения закружилась голова, я оперся о стену.

– Даан, да ты врунишка!

Мама разжала руки, резкими шагами подошла ко мне и застыла, принюхиваясь, как собака-ищейка. Глаза ее загорелись безумным пламенем.

– От тебя несет...

– В доме у заказчика пахло сигаретным дымом, и, пока я стоял там, одежда пропиталась им!

– Что ты врешь?! Просто скажи, что потратил деньги! Наверняка ошивался в какой-то компашке!

– Но это неправда! Ты ведь знаешь. Это все...

– Да ни за что в жизни не поверю, что семья Грехов устроила такое!

– Но это именно так.

– Не ври мне!

Я зажмурился от крика.

Вены на шее мамы вздулись до предела. Руки дрожали, готовые вклепить мне пощечину. И готов поклясться, что я хотел получить ее в тот момент.

– Боже, ну что за наказание, – провыла мама, – что за урода себе на беду я родила?

Эти слова резали как острый нож. Я почувствовал, как

сердце обливается кровью от горя, а в душе образуется пустота. Она продолжала разливаться внутри, когда в голове всплывали все наши ссоры и скандалы по пустякам. И в гуще этих событий я не мог найти ни одного момента, когда мама искренне мне улыбалась и говорила добрые слова.

Сейчас она ходила из стороны в сторону, прикрыв глаза. Дрожащей рукой обхватила лоб и направилась в гостиную. По дороге она случайно зацепила салфетку на тумбе, и стеклянная статуэтка ангела разбилась вдребезги. От испуга мы оба подпрыгнули. Эту фигурку подарила покойная бабушка в день моего рождения. Это была последняя сохранившаяся память о ней.

– Это все ты виноват! – закричала она.

Мама опустилась на колени и начала нервно собирать осколки. Один из них ранил ее ладонь. Стекло окрасилось кровью. Она тихо заплакала, нагнувшись над разбитым ангелом.

– Ненавижу тебя... – прошептала мама. – Это из-за тебя моя жизнь пошла наперекосяк.

Она забивала в меня эти обидные слова, как гвозди. В груди защемило, глаза застила пелена слез.

«Почему мама меня ненавидит? Что я сделал? Почему слышу подобное от самого близкого человека?»

– Ты как камень на пути, который мешает проехать! Зачем мне такой сын?! Из-за тебя я тут! Из-за тебя я потеряла любимую работу! Из-за тебя выгляжу старше своих лет. Мною

не интересуются мужчины! У меня нет друзей! Взгляни, как я себя извела из-за тебя! Ты не должен был рождаться! Твое появление на свет – ошибка. Ошибка, которую легко можно исправить, и мне уже все равно, каким образом. Если ты не исчезнешь из моей жизни, я убью тебя!

После каждой выкрикнутой фразы она всхлипывала. Глотала слезы и продолжала собирать острые осколки. Потом закрыла лицо окровавленными руками.

Я хотел умереть. Еще ни разу в жизни это желание не было настолько сильным. Нет, это даже не желание. Это необходимость.

Не было другого выхода. Лишь сейчас до меня дошло: с самого рождения я был одинок. Меня воспитывали только по необходимости, меня не окружала настоящая родительская ласка, в моей жизни не было ни дня без семейных сор. У сверстников была совсем другая, нормальная жизнь, и это единственное, в чем я им завидовал.

Я всего лишь обуза.

Все улыбки фальшивы, слова – обман, поступки наиграны, существование после осознания этого... бессмысленно.

Я выбежал из дома. Не оглядываясь назад. Думая только о смерти. Лишь она могла заглушить горечь от утраты веры в жизнь.

Я не чувствовал ног. Бежал так, как никогда в жизни. Меня едва не сбила машина – ну и пусть! Все равно не успел бы пожалеть о содеянном. Мне было все равно, что меня ждет

там, откуда никто никогда не возвращался. Точно одно – там не будет лжи.

Я добежал до кладбища на обрыве. Дождь омывал надгробия, поил траву и усугублял чувство одиночества. Одежда пропиталась холодной водой, ледяной ветер бил прямо в лицо. Покалывало в спине, жжение в мышцах ног от бега да-ло о себе знать лишь сейчас. Острые камни внизу будто це-лились в меня своими колючими вершинами. Капли дождя, казалось, точили их, делая еще более смертоносными. Перед глазами пролетала жизнь, и не было момента, ради которо-го можно было бы остановиться и сказать: «Хочу жить даль-ше».

Я не был любим, но любил сам. Любил того, кто отверг меня. Он никогда не узнает о моей смерти, никогда не задумается, почему я так поступил. Он уже давно забыл обо мне. Все обо мне забыли.

Я сделал шаг вперед. Темно-серые краски сменялись гу-сто-синими. Поток ветра дарил мне последнюю ласку, будто провожая в неизведанную реальность: лишь он был нежен со мной в тот момент.

Самоубийцы считают жизнь бесполезной вещью лишь то-гда, когда контроль над ней теряется. И выбрасывают. Гораз-до легче выбросить ненужное. Но потом, когда оно понадо-бится, ты его уже не вернешь. Никогда.

Черная пелена ночи содрогнулась от громкого женского плача. Казалось, он звучал отовсюду. Эхом отражался от невидимых скал и вновь возвращался ко мне троекратно усиленным. Голос казался знакомым, и подсознательно я понимал, кому он принадлежит, но из-за помутненного сознания меня не пробрал тот ужас, который должен был.

Я увидел перед собой проблески света. Они, подобно инею на стекле, обрамляли тьму. Спустя мгновение передо мной открылось небо, скрытое за тяжелыми тучами.

К женскому плачу присоединились и другие звуки. Наконец-то пришло осознание происходящего: я лежал на сырой земле, сзади стояла небольшая плита, меня окружали люди в черной одежде. Кто-то из них держал платочки и зонты, кто-то вытирал слезы.

– Это я во всем виновата-а-а-а-а!

Передо мной на коленях, сгорбившись над букетами цветов, сидела мама. Черная юбка, черный пиджак, черные перчатки, пропитавшиеся ее слезами, и черная шляпа, которую она так не любила.

Почему она плачет? Почему они все плачут? Неужели они не видят, что я сижу перед ними живой... живой ли? Разве я не умер или то был дурной сон?

– Мама, почему ты плачешь? – Я постарался улыбнуться,

но голос был грустным.

Я положил ей руку на плечо, но... та прошла сквозь него. Мама продолжала сидеть и плакать.

Я содрогнулся от ужаса.

– Мама! Ты слышишь меня, мама?!

Но она лишь сильнее разрыдалась, продолжая повторять:

– Это я его убила! Я... он... он сделал это из-за меня!

Я продолжал отчаянные попытки обнять ее. Кричал ей в ухо, но она словно не чувствовала, не слышала, не видела меня. Никто не видел меня.

Сзади к ней подошел мужчина и положил руку на плечо. Я увидел его лицо, и к глазам подступили слезы.

– Дорогая, пожалуйста, идем, – прошептал ей папа.

Его взгляд был полон печали и сочувствия, которых я никогда не видел, когда мы жили вместе. Сейчас он нежнее и бережнее относился к маме. Она ласково взяла его руку и поднесла к мокрым щекам. Папа стер с них слезы и обнял ее крепко, будто этим объятием хотел снять с нее груз вины. Мама ответила на его объятия и спрятала лицо на плече, озябшими пальцами комкая пиджак на отцовской спине.

Я впервые видел столь открытые проявления чувств между ними. Меня душили обида и злость, что в этот момент нельзя быть с ними.

– Стойте, а я? А как же я? – продолжало срываться с моих дрожащих губ.

Но окружающие были глухи к моим словам. Они отверну-

лись и медленно поплелись вдаль. Я кричал им вслед и лил слезы. Бежал за ними и пытался схватить, но руки проходили словно сквозь воздух.

Я поскользнулся, упал, едва не врезавшись в надгробную плиту, и, стоя на коленях, наблюдал за удаляющимися фигурами. Из груди вырвался протяжный рев, и стаи птиц на деревьях взмыли в небо.

Разве так выглядит жизнь после смерти? Где раскаленные котлы? Где лава, омывающая грешные души? Где пламя, не щадящее тело? Разве не это называется адом – местом, где мне должно пребывать после трусливого побега от жизни на земле? Нет, для таких, как я, приготовили ад страшнее – вечное одиночество.

Я обречен на скитания и отчаяние. Разве это не мучительнее ада со всеми его пытками?

На надгробной плите стояла дата: «23.01.17» – день моей смерти. Когда я посмотрел на эти цифры, в душе образовалась пустота. Жизнь среди людей закончена, но существование на земле продолжается.

Я не знал, куда идти. Не было пристанища, где хотя бы на мгновение можно было обрести покой. Но тут в памяти высветился заброшенный домик, в котором мне довелось побывать накануне. Я направился туда.

Внутри тепло и сухо. Уют царит в каждом уголке. В моих глазах этот затхлый домик превратился в роскошный дворец. Я прошел в комнату, в которой некогда испытал долго-

жданные покой и уединение.

DAAN DE VRIES

13.01.1999

23.01.2017

Однако одеяло, которым я был укрыт наутро... было аккуратно сложено на краю кровати. Я подошел к столику возле окна и провел пальцем – ни пылинки. Тень сомнения, что здесь кто-то живет, исчезла без следа.

Я услышал скрип открывающейся двери и топот чьих-то ног. Шаги устремились в сторону моей комнаты, но неожиданно затихли в соседней.

Сердце бешено колотилось. Любопытство перевесило страх, и я пошел на звук. Все равно я призрак. Пол подо мной за скрипел. Шум в соседней комнате резко прекратился. Я прижался к стенке возле дверного проема и осторожно посмотрел в коридор.

И закричал от неожиданности, когда увидел перед собой девушку, выглядывающую из дверного проема так же, как и я. Судя по ее расширившимся карим глазам, она испугалась не меньше и завизжала в унисон со мной.

Неужели она видит меня?

– Ты меня видишь? – спросил я.

– А ты меня? – откликнулась она.

Я не успел отреагировать. Девушка подошла ко мне и стала с подозрением разглядывать.

– Ты живой?

– Э-э-э-э... – Я все еще не мог поверить в происходящее. – И да, и нет.

– То есть ты тоже призрак? – с ужасом в голосе произнесла она и отшатнулась назад. Я был удивлен ее реакцией. В такой ситуации вроде нужно радоваться появлению собрата

по несчастью.

– Да, – на моем лице засветилась улыбка, но она резко испарилась, когда незнакомка состроила разочарованное лицо, – что-то не так?

– Мы умерли, но все не так, как представлялось.

Эти слова заставили меня вновь вспомнить о посмертном проклятии. Забрезжившая было надежда на то, что все прояснится, испарилась.

– Как тебя зовут? – спросила она тоненьким голоском. – Прости, я не представилась первой. Меня зовут Диана.

– Даан, – произнес я еле слышно.

У Дианы были красиво очерченные брови, необычайно большие карие глаза, маленький ровный нос, тонкие пепельно-розовые губы и пухлые щеки – совсем как у хомячка, – к которым так хотелось прикоснуться. Каштановые волосы, плавно переходившие в светлые ближе к концам, свисали чуть выше груди и скрывали узкие плечи. Она сложила тонкие пальцы в замок. Взгляд мой спустился сначала на светло-бежевую вязаную кофту, затем на немного потрепанную фиолетовую юбку, стройные ноги, которые облегали черные колготки, и ботинки на высокой платформе того же цвета, что и юбка.

Я был очарован ее красотой. Может, за четыре года моя ориентация все-таки сменилась?

Ни разу в жизни я не пытался встречаться с девушкой, чувствовал дискомфорт, представляя себя с ней, и не испытывал к этому интереса. При воспоминании об Алексисе сердце мое вновь болезненно затрепетало.

– Скажи, Диана, – я невольно произносил ее имя с нежностью, ибо оно само уже заключало в себе немалую ее толику, равно как и его обладательница, – однажды мне довелось побывать в этом домике. Тогда я заснул на кровати в соседней комнате, а наутро обнаружил...

– Да, это была я.

– Спасибо...

– Не стоит. Давай пройдем в комнату и поговорим. В коридоре стоять не очень удобно.

Мы уселись за невысокий столик и продолжили разговор.

– Какое сегодня число? – спросил я.

– Двадцать пятое.

«Моя смерть наступила двадцать третьего января. Получается, прошло уже два дня? Я очнулся, когда меня похоронили. Неужели целых два дня мое мертвое, бледное, сломанное тело не предавалось земле?»

– Ты хотела о чем-то поговорить?

– Как ты умер? – спросила она.

И я рассказал ей все. Когда дошел до момента на кладбище, пришлось брать короткие паузы. Мои нервы были не из железа, и в конце концов я расплакался, словно ребенок,

сложив руки на столе и спрятав в них лицо. Судорожно взды-
хал, вытирал мокрые щеки о рукава толстовки. Со стороны
это выглядело жалко и глупо, но об этом я думал в послед-
нюю очередь. Мне казалось, слезы будут литься до тех пор,
пока боль не исчерпает себя. Рыдания перешли во всхлипы,
уже не кололо в груди, внутри царило опустошение. Все это
время я ни разу не посмотрел на Диану, словно забыл о ее
существовании рядом и не ждал жалости.

Она провела рукой по моим волосам и прошептала:

– Кто, кроме меня, поймет тебя... Сейчас я осознаю, что
причина для моей смерти была смехотворно глупа, а пробле-
ма, которая к ней привела, – легко поправима. На свете нет
ничего, из-за чего стоит уходить из жизни.

Ее слова могли показаться суровыми, но для моей души
они стали целебным эликсиром, и я осмелился спросить:

– А ты, если не секрет, из-за чего решилась на это?

Диана улыбнулась уголком рта, а затем ухмыльнулась, но
во взгляде ее были лишь боль и разочарование.

– Из-за школьных издевательств. Тогда это казалось тяже-
лым испытанием, которое мне не суждено пройти никогда.
Но сейчас, сидя здесь рядом с тобой, я вдруг задумалась, ка-
кого черта велась на мнение окружающих, почему не встала
в позу и не сказала: «А не пойти ли вам, господа, куда-ни-
будь от меня подальше и оставить в покое?» – Она ساختила
серьезное и одновременно смешное лицо специально, чтобы
сгладить грубость последней фразы. И ей это удалось: я и не

заметил, как улыбнулся сквозь слезы.

«А что мне мешало упасть перед мамой на колени, обнять ее и извиняться до тех пор, пока она не примет мое раскаяние?»

– Не все потеряно, Даан, – неожиданно холодно произнесла Диана.

– Что? – только и вымолвил я, когда все же решился посмотреть на нее. – О чем ты?

– Предыдущий хозяин этого заброшенного дома тоже был самоубийцей. Мне довелось его встретить, пока он не исчез.

– Но разве мы не будем существовать так до конца света?

– Нет, иначе земля заполнилась бы душами самоубийц.

– Сколько же тогда нам мучиться?

– Я бы не назвала эту жизнь мучительной. Отчасти. После самоубийства человеку дается сорок дней для того, чтобы все исправить.

– Исправить? – Былое отчаяние улетучилось, словно его и не было. – О чем ты? Пожалуйста, говори как есть.

Диана закинула ногу на ногу и продолжила, пристально глядя в мои глаза:

– Человек, живший здесь до нас, считал дни после своей смерти. Он исчез на сороковой, но успел рассказать кое-что. Воскрешение самоубийцы возможно, если тот сумеет спасти живого человека.

Ее слова казались правдивыми, но смысл их – невероятным.

– Правда? – радостно воскликнул я. – Но ведь... – тут же сбавил обороты, – мы ведь не можем касаться живых людей. Они не видят нас и не слышат. Как можно спасти того, с кем не имеешь никакого контакта?

– Скажи, почему на свете бывают дружеские и даже любовные пары, которые живут душа в душу до конца своих дней?

У меня было слабое представление об этом. В плане объяснения подобных вещей я полный ноль.

– Потому что они родственные души. У каждого человека на земле есть тот, с кем у него с рождения заключена связь. Они могут жить в тысячах километров друг от друга, но если когда-нибудь встретятся, то уже никогда не расстанутся.

«В тысячах километров» – это было то самое «но», присутствующее во всех положительных моментах. Ложка дегтя в сладком меду.

– Но где же его найти? Как понять, что он твой человек?

– Он сможет увидеть, услышать и прикоснуться к тебе.

– Стой, Диана, – я взял ее за руку, и она вздрогнула, – если не секрет, сколько дней прошло с момента твоей смерти?

В ответ девушка отдернула руку и отвернулась. Вопрос так и остался без ответа. Мне стало стыдно перед ней.

Теперь во мне вновь зародилась надежда. Внутри все ожило. Слова Дианы подействовали на меня как живительная вода на засыхающий цветок в знойный день.

Я окончательно осознал свою слепоту при жизни, раз не

увидел ее красоты. Все проблемы человека преодолимы, но порой пути решения кажутся либо невозможными, так как требуют много времени, либо просто невыгодными нам. Но они есть.

Я жалел о самоубийстве. Жалел так, что был готов променять половину жизни на пару секунд перед прыжком, чтобы уберечься от страшной ошибки.

Да, на земле больше семи миллиардов человек. Да, обойти весь земной шар за эти дни нереально. Да, найти «того самого» фактически невозможно, но лучше я проведу эти тридцать восемь дней в его поисках, чем поддамся отчаянию.

Первые три дня поисков были полны моим наигранным энтузиазмом. С самого утра и до позднего вечера я разгуливал по городу и делал то, что могло привлечь внимание окружающих: стучал в двери магазинов и домов, обращался к людям, намеренно задевал их.

Но все было без толку. Никто меня не видел. Шел уже пятый день, и надежда потихоньку угасала. От депрессии меня спасали животные. Они видели меня, слышали и чувствовали. Иногда пять минут, проведенные в играх с бездомной собакой, компенсировали час уныния.

Удивительным для меня стало и поведение Дианы. Целые дни она проводила либо в домике, либо за городом на природе. С момента нашего первого разговора я не пытался узнать, каков ее срок на данный момент. Пересиливая себя, она улыбалась каждый раз при моем возвращении.

Еще один необычный факт о призраках моего типа: мы нуждались в еде и воде. Конечно, денег у нас не было, а если даже и были, то продавцы вряд ли смогли бы обслужить невидимку с витающими в воздухе купюрами. Поэтому приходилось воровать продукты. Это было ужасно неприятно. Невольно ставил себя на место жертвы и вспоминал, как обокрали меня.

Каждый день я ходил к своему дому и наблюдал за роди-

телями. Они проводили все время вместе. Мама выглядела вялой, потухшей, а отец старался вселить в нее уверенность. Пару раз мне хотелось заявить о себе, написав им записку. Но к чему это? Придется рассказать и о сорока днях, и о «том самом человеке», и о последствиях, если я его не найду. А потом родители начнут его поиски, подключат полицию и друзей, их примут за сумасшедших и посадят в психушку. Нет уж, только лишняя нервотрепка.

Меня мучила тоска. Ну почему мы раньше не могли так мирно жить? Люди объединяются лишь тогда, когда все плохо, а если все хорошо, о тебе даже не вспомнят.

– Помогите! – послышался женский голос.

Я увидел, как некто в черной маске пытается отнять у женщины сумку.

Маска... стойте, это же тот самый человек, забравший у меня деньги!

Сумка выскользнула из рук женщины. Вор помчался прочь. Не знаю почему, но я решил вернуть украденное. В этом человеке мне виделся враг: тот, из-за кого я поссорился с мамой, узнал горькую правду и покончил с собой! Нет, мы с ней не виноваты в произошедшем – он, и только он!

Вор двигался довольно быстро. Я едва поспевал за ним. Со стороны выглядело, словно для него это обычная пробежка, а мои силы были на исходе. Большая их часть расходовалась на гнев. Я уже почти настиг преступника. Протянул руку к украденному, как вдруг он увернулся и отдернул сумку.

Мы забежали в длинный переулок. Расстояние между домами было минимальным. На ходу я подхватил с земли осколок стекла. Когда вор оказался в тупике, мне удалось ранить его в руку, в которой была сумка. Он выронил ее. Мы услышали шум приближающейся толпы. Я протянул руку к сумке, но тут вор сбил меня с ног и понесся на улицу. И исчез за углом.

Я был ошарашен. Нет, не может быть. Мне показалось, я сам споткнулся, но... я почувствовал прикосновение. Он пробежал мимо и задел меня плечом.

Думать о случившемся не было времени. Увидев следы крови на земле, я направился по ним. В переулок забежала пострадавшая женщина с каким-то мужчиной и удивленно подобрала пропажу.

Едва заметные капли крови тянулись вдоль всей улицы, пока не привели меня к большому двухэтажному дому. На удивление, шторы в нем были задернуты. Я перелез через невысокий забор и оказался в ухоженном дворике, где в каждом уголке стояли вазоны с цветами, а по краям дорожки зеленел газон. Справа находилась маленькая веранда с куполом.

– Скоро должен приехать папа! – услышал я женский голос за дверью.

– Да знаю я! – недовольно произнес кто-то.

Это был явно он.

– Если узнает, чем ты занимаешься, то получит инфаркт.

– Мне плевать на этого козла.

– Не говори так, он же твой отец. Когда же ты прекратишь промышлять воровством? Рано или поздно все узнают, кто под маской, и тогда нам не отмыться от позора.

– Тсс, погоди... – прошептал парень.

Ко входу стал приближаться звук шагов. Я успел перепрыгнуть через забор и спрятаться. Входная дверь открылась.

– Ну что там такое? – спросила девушка.

– Мне показалось, за нами наблюдают.

– Вот именно, что показалось. Иди уже есть.

И дверь захлопнулась.

Все это время я не смел даже вздохнуть. Сердцебиение участилось настолько, что его должно было быть слышно на весь квартал.

Теперь уже не оставалось сомнений – это он, тот самый человек. Боже, я не мог поверить в происходящее! Такой шанс выпадает раз в тысячу лет: встретить «того самого» в своем городе, да еще и так быстро! Я, случайно, не сплю? Какая удача!

Меня распирало желание рассказать об этом Диане.

– Это невероятно! – воскликнула она и хлопнула в ладоши.

Я сиял от радости, щеки уже болели от улыбки. Однако на лице Дианы промелькнули сомнения. Она улыбалась, радуясь моему счастью, но ее грустные глаза выражали обратное.

– Я так рада за тебя! – В ее голосе так и сквозили нотки неуверенности.

Она мне не верит? Или же...

– Что-то не так?

– Что? Да нет же! Это просто отличная новость! Такая редкость! – В глазах заиграл огонек, но он не убедил меня в искренности ее слов. Она не завидует и действительно радуется, но ее что-то тревожит.

– Все правда в порядке? – вновь спросил я.

– Да... – вяло ответила Диана, – просто... это... удивительно.

Что-то мне подсказывало: не эти слова должны были слететь с ее губ. И необычная реакция девушки заставила меня вспомнить о ее не менее странном поведении несколькими днями ранее.

Выпытывать правду не было смысла. Мне не хотелось расстраивать ее. Я видел, сколько боли девчушка прячет за улыбками каждый день, стараясь вселить в меня надежду, а сама, наверное, тихо плачет по ночам. И в лесу она уединяется лишь для успокоения.

День близился к концу. На завтра я уже выстраивал планы знакомства с «ним», но для начала мне хотелось заглянуть на кладбище и на обрыв, ставший для меня роковым.

Я все еще не верил, что человек, загубивший мою жизнь, одновременно является моим спасителем.

Дорога к кладбищу была длинная и извилистая. Обрыв находился сравнительно недалеко от города и нашего с Дианой домика. Вокруг ни души – даже птиц не было видно. С тех пор как я умер, мрачное небо ни разу не озарилось солнечными лучами, но думать, что эти события как-то связаны, глупо.

Я дошел до кладбища. Там мне открылся вид на многочисленные симметрично расположенные памятники. Большинство из них не было огорожено. Когда я проходил мимо могил в поисках своего захоронения, меня пробирала дрожь от осознания: под моими ногами находятся иссохшие трупы незнакомых людей. А где-то здесь и мое тело.

Я ориентировался по датам и добрался до умерших в 2016 году.

Мое внимание привлек кое-кто в черной куртке. Его голову скрывал кожаный капюшон. Он сидел на коленях перед могилой, кулаки его сжимали стриженую влажную траву. Я взглянул на надгробную плиту. На ней стояла дата 23.01.2016. Выходит, этот человек умер ровно за год до моей смерти.

Чтобы разглядеть имя покойного, я сделал шаг в сторону могилы. Незнакомец вздрогнул и обернулся. Мы оба застыли от удивления. Передо мной сидел тот самый вор в маске!

Он попытался убежать, но на этот раз я оказался проворнее: мигом вцепился в его руку и повалил на землю, придавливая всем весом. Воришка сделал несколько отчаянных попыток сбросить меня, но я лишь сильнее свел его руки над головой. Парень оказался не таким сильным. Второй рукой я сдернул с него маску. Резинка соскользнула с его волос.

Я не мог поверить своим глазам. То, что я увидел, заставило меня ослабить хватку, но при этом сильнее придавить его к земле. Внутри все вспыхнуло, как спичка, пропитанная керосином. Голова закружилась. Складывалось впечатление, будто меня чем-то ударили, и я все никак не мог прийти в себя. Передо мной, крепко стиснув зубы, лежал парень, чье имя я старался не произносить даже мысленно, ибо в такие моменты мои тело и разум застывали. Алексис...

– Да встань же, придурок! Мне нечем дышать! – вскрикнул он. На меня посыпался град ударов.

Я слегка приподнялся, и Алексис задышал полной грудью.

– Молодой человек, – вдруг обратилась к нему пожилая женщина. Я даже не заметил, как она подошла. – С вами все хорошо?

Если подумать, со стороны это выглядело нелепо: Алексис борется с воздухом. Он недоуменно посмотрел на бабушку и еле сдержался, чтобы не обругать ее.

– Какого черта?

– Ну, вы лежите и... размахиваете руками.

– Неужели вы не видите, я пытаюсь сбросить с себя этого болвана?

Женщина тяжело вздохнула и закатила глаза.

– Молодой человек, вам нужно немного полечиться. – С этими словами она развернулась и ушла.

Обеспокоенный взгляд Алексиса переметнулся на меня. Кажется, он хотел что-то сказать и уже открыл было рот, но остановился и тихо, с подозрением в голосе, произнес:

– Что ты такое?

Взгляд его передавал не столько удивление, сколько страх. Я понял, что теперь Алексис не убежит, и отпустил его. Пока я вставал, он не сводил с меня глаз. Капюшон опустил на плечи, и мне открылось его лицо: все те же светлые волосы, зачесанные вправо, но на затылке гораздо короче, нежели на макушке; густые темные брови, длинные ресницы, большие голубые глаза, прямой нос, бледная кожа и алые губы.

Уже сложно было мыслить здраво. Ожили чувства, которые я когда-то испытывал к Алексису. Но теперь у них присутствовал горький привкус. Происходящее взбудоражило меня – настолько неожиданна и приятна оказалась встреча с

ним. За четыре года он не сильно изменился внешне: только вытянулся, а черты лица остались теми же. В голосе слышалась хрипота, но меня, парня, в котором всколыхнулись былые чувства, это очаровывало.

Еще четыре года назад я боялся посмотреть ему в глаза, а теперь он сам смотрел на меня снизу вверх. Все-таки я обогнал его по росту.

– Спрашиваю еще раз: что ты такое? – грозно повторил Алексис.

Что я такое? Неужели он меня не помнит? Ха, ну конечно.

– Меня зовут Даан.

– Алексис. Так кто ты такой?

– Я... Это очень сложно объяснить, и ты мне наверняка не поверишь.

Алексис лишь приподнял правую бровь и скрестил руки на груди.

– Я мертв... Дослушай меня до конца, пожалуйста! Двадцать третьего января я покончил с собой. Моя душа будет находиться на земле еще сорок дней. За этот срок я должен найти человека, который увидит меня, призрака, и спасти его. Тогда смогу вернуться к жизни. Так вышло, что этот самый человек – ты, и, выходит, я должен спасти тебя!

Ответом была лишь тишина.

Алексис вытаращил на меня глаза. Он стоял неподвижно, пораженный моим рассказом.

– Ты гонишь.

– Тогда как объяснить то, что эта женщина не увидела меня?

– Этого недостаточно, чтобы доказать...

– Я сброшусь с обрыва и не умру. Могу сделать это прямо сейчас.

Алексиса передернуло. В его глазах, на удивление, я прочел беспокойство.

Если призрак причинит себе смертельный для человека вред, он не умрет, ибо уже мертв. Я приготовился бежать к обрыву.

– Стой! – прокричал Алексис. Его пальцы вцепились в мою руку.

По телу пробежали мурашки, и я обернулся. На его лице отобразились жалость и сомнение. Это меня приятно удивило, я не мог сопоставить нынешнего Алексиса с ним же из прошлого. Или я его плохо знал?

– Я верю тебе. Не нужно этого делать.

Ответ поразил меня сильнее, чем выражение его лица.

– Верю, но меня не от чего спасать.

– Я вижу, ты чем-то обеспокоен. Может, могу помочь?

– Идем со мной.

Он провел меня к могиле, у которой недавно стоял на коленях. Я наконец-то смог разглядеть имя, выгравированное на ней: Адриана Йохансон. 1.01.1979 – 23.01.2016.

Ей было всего тридцать семь лет.

– Если вернешь ее, спасешь и меня.

Холод, сменяющийся жаром, охватил все мое тело. Алексис смотрел на меня пристально. Я хотел отвернуться, но этот взгляд был угрожающим и манящим одновременно. Уйти от него означало совершить преступление.

Я понимал его желание вернуть маму, но разве он не осознает, насколько это нереально? Неужели настолько отчаялся, что просит совершить невозможное у первого встречного?

Опустив взгляд, я ответил:

– Я не могу этого сделать, прости.

Алексис подошел ко мне. Я чувствовал, как он пристально разглядывает меня и выдыхает клубы пара.

Он приблизился ко мне еще и, обжигая мое замерзшее ухо горячим дыханием, тихо произнес слова, убившие во мне надежду вернуться к жизни:

– Тогда ты обречен.

После нашего разговора Алексис убежал. Я хотел догнать его, но зачем? Продолжая стоять возле могилы его мамы, представлял, как он сейчас плачет или злится, ведь мир не может вернуть ему самого дорогого человека. И я не могу.

Я вернулся домой, чувствуя себя полным неудачником. Даже встретив «своего человека», не мог ничего сделать для того, чтобы спасти его. Все годы, пока мы жили в Амстердаме, он был у меня под носом, но мы оба не замечали между нами связь, красную нить, которой соединила наши жизни сама судьба.

Диана говорила, что связанные люди могут быть как друзьями, так и возлюбленными. Что ж, здесь определенно первое. Мне придется не только похоронить свои чувства под обломками надежды, но и попытаться хотя бы восстановить с Алексисом контакт после встречи на кладбище.

Он не помнил меня. И это было мне даже на пользу.

Вдруг мне в голову пришел вопрос: «Как я должен его спасти: духовно или физически?»

Из комнаты вышла Диана и набросилась на меня с расспросами:

– Ну что, ты встретил его? Как он отреагировал? Наверное, в шоке, ведь такое не каждый день происходит! Очень рада, что вы...

– Диана, пожалуйста, успокойся, – устало попросил я, обхватив ее за плечи. С милого личика исчезла воодушевленная улыбка, и она непонимающе захлопала ресницами.

– Что-то случилось?

– Тот человек под маской оказался... парнем, в которого я был влюблен четыре года назад...

Диана раскрыла рот и нервно засмеялась.

– Прости, это панический смех. – Она откинула выбившуюся прядь волос, облизнула губы и продолжила уже тише: – Я не знаю, что сказать. Узнать о том, что «твой человек» все это время был практически рядом с тобой, это... – Она затихла, не смея продолжать.

Меня вновь наполнило чувство тревоги, которое появлялось каждый раз, когда она радовалась за меня. Это не была зависть, а что-то другое, чего никак не получалось понять.

Я продолжал стоять и улыбаться ей в ответ: меня немного позабавил ее внешний вид.

– Так, прости, я тебя перебила. Продолжай.

Мы прошли в комнату и уселись за стол.

Мне пришлось приступить к самой болезненной части рассказа. Даже сейчас я ощущал переживания Алексиса. Мы будто являлись частями единого целого. Пусть абсолютно разные, пусть он младше меня на месяц, пусть у нас непохожие судьбы – невидимая нить связывала нас.

– Оказалось, что его мама умерла. Он сказал, если я верну ее, то спасу и его.

– Это ведь невозможно, Даан! Он считает, мертвые способны воскрешать или договариваться с высшими силами?

– Для него иного спасения, видимо, нет. К тому же он не узнал меня.

– А как его зовут? – Девушка обхватила щеки руками и уперлась локтями в колени. – И вообще, расскажи о нем, о ваших отношениях.

Ее заинтересованность удивила меня. Она первый человек, кому я осмелился поведать свою историю. И был благодарен ей за это.

– Его зовут Алексис.

Диана заметила, с какой нежностью и любовью было произнесено это имя, и улыбнулась.

– Нельзя сказать, что мы были в отношениях. – Я усмехнулся, глядя в горящие любопытством глаза Дианы. При свете камина они казались медовыми. – Мы учились в параллельных классах. Я был двоечником, а он – хулиганом-отличником. О нем слагали легенды. Не было в школе человека, который не слышал бы о нем.

– А чем он тебе понравился?

– Дело не в его красоте и обаянии. Если честно, я до сих пор не знаю, из-за чего так сильно полюбил его. Первый раз увидел Алексиса, когда он подрался с каким-то пацаном. У него под глазом наливался синяк, нос был ободран, волосы растрепались, и в тот момент он выглядел абсолютно непривлекательным оборванцем. Но, несмотря на это, мое сердце

замерло при взгляде на него. С тех пор не проходило и часа без мысли о нем. Я был словно болен, каждый раз искал встречи с ним, хотя он не знал моего имени и вряд ли даже подозревал о моем существовании. За два года мы встретились взглядами раз пять, и каждый раз мне хотелось спрятаться.

– Однажды я не выдержал и решил на День святого Валентина подарить ему открытку. Он отверг мои чувства. Сейчас я понимаю, это было ужасно глупо, ведь он не знал меня. Когда мне признавались в своих чувствах незнакомые девушки, я старался как можно вежливее им отказать.

– Думаю, что ты поступил правильно, – негромко начала Диана. – Сомневаюсь, что были еще парни, которые признавались ему в любви.

– Будь я покрасивее, он бы, может, и смягчил тон. – Я ухмыльнулся, вспоминая равнодушные лица сверстников, глядящих на меня – уродливого мальчишку со взъерошенными волосами и в больших очках.

– А ты был некрасивым?

– Да, я порвал все детские фотографии с девяти лет. Мама устроила мне взбучку за это.

– Ты ошибаешься. Некрасивых людей не бывает. Бывают разные мнения и видения, – вдруг взбодоражилась Диана. – Если честно, я раньше тоже считала себя страшной. Я никому не нравилась, а если кто-то и обращал на меня внимание, то только бабники. Но после смерти узнала, что давно нра-

вилась парню из параллельного класса. Он даже приходил ко мне на могилу.

– Так ты покончила с собой из-за этого? – Я был готов иронично захохотать.

– На то были и другие причины.

На этом наш разговор закончился.

Диана отправилась в свою комнатку, оставив меня сидеть возле камина и размышлять о пережитом: самоубийстве, воскрешении и Алексисе.

Когда я вновь его встретил, то уже не мог сидеть на месте и думать о чем-нибудь другом. Все мои мысли были заняты только им. Даже в сплетении ветвей за окном на фоне пылающего заката я видел его лицо и вспоминал прошлое.

Сегодня Алексис открылся для меня с новой стороны. Раньше я вспоминал о нем как о самодовольном парне. Жил надеждами, что он умеет испытывать жалость и сострадание. Теперь мои чаяния оправдались – характер Алексиса не ограничивался одним лишь эгоизмом. Я не мог предположить, что еще нового узнаю о нем, но сам процесс раскрытия его настоящей личности доставлял удовольствие.

Рано утром, когда Диана мирно посапывала в своей теплой постели и солнце только-только начинало озарять городок, я направился к дому Алексиса.

Весь город спал.

Я почти бесшумно перелез через забор и оказался во дворе. Теперь оставалось самое сложное – войти в дом. Призраки моего типа могли касаться неодушевленных предметов и животных, поэтому ни о каком прохождении сквозь стены не было и речи.

Мой взгляд упал на небольшую крытую деревянным куполом веранду. По своему дизайну она напоминала один из проектов в передачах об обустройстве загородных домов. В детстве я любил смотреть такие выпуски, с интересом наблюдая за тем, как преобразается старый коттедж или заброшенный двор.

Я заметил движение на веранде и подошел ближе. Алексис лежал в круглом плетеном кресле-качалке, завернувшись в мягкое вязаное одеяло кремового цвета. Я не смог сдержать широкую улыбку. Он спал, словно маленький ребенок.

На улице еще было прохладно. Я проверил плотность одеяла: слишком тонкое, чтобы спать под ним в такую погоду. Рядом на стуле лежала стопка пледов. Я взял самый теплый и

укрыл им Алексиса. Тот сквозь сон почувствовал это и медленно открыл глаза.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, слегка приподняв голову.

– Э-э-э-э, – я правда не знал, что ответить, – пришел проведать тебя.

Алексис недовольно замычал и укрылся одеялом с головой.

– Идиот, не мог подождать до утра?

– Но ведь уже утро. Шесть часов.

– Я говорю про нормальное утро, часов так с десяти. – Алексис высунул голову из «кокона».

– Тебе нравится спать на улице?

– Не то чтобы... – Парень сжал губы и потянулся. – Мама очень любила. И иногда, когда мы приезжали сюда из Амстердама отдохнуть, обязательно спали тут вместе. – Он закрыл глаза и, казалось, вновь задремал.

Я сел рядом с ним, кресло-качалка подо мной скрипнуло.

– Кажется, я просил дать мне поспать, – недовольно пробубнил Алексис.

Ответить я не успел. Свет в доме зажегся. Из окна послышался шум, и на фоне задернутых занавесок проскользнула тень.

– Бли-и-ин, – Алексис был готов расплакаться, – эта недо-тепа сейчас включит свою идиотскую музыку и обязательно поставит магнитофон на подоконник!

Так и произошло. Бодрая смуглая шатенка выглянула в окно и включила «No Control» One Direction. Песня, к несчастью Алексиса, оказалась громкой и энергичной. Заснуть под такое не представлялось возможным, даже если бодрствовать до этого пять дней. Идеальная пытка.

Сначала Алексис сопротивлялся, пытался скрыться под одеялом, ворочался, затем затихал, лежа неподвижно. Но уже спустя полминуты он выглянул наружу и повернулся в сторону окна. Такого злобного взгляда я не видел еще ни разу в жизни.

– Пора вставать! – Уж не знаю, как эта девушка умудрилась перекричать песню. – Папа приедет с минуты на минуту уставший и голодный!

– Выруби это сейчас же! – огрызнулся парень.

Она не расслышала его и скрылась в комнате.

Мне стало жаль Алексиса. Только представьте: вы спите, и тут кто-то в шесть часов утра прямо над ухом врубает музыку на полную. Я возненавидел бы весь мир за свой прерванный сон и весь день и вечер ходил и огрызался бы. Может, поэтому Алексис такой грубый?

Я продолжал сидеть и выслушивать его ругань из-под одеяла.

– Ты воплощение самого дьявола, черт тебя подери! – То была самая приличная фраза из всех мной услышанных.

– А кто она тебе? – решил спросить я.

– Сестра, Мона.

Преодолевая себя, борясь с усталостью, слипающимися веками и состоянием, когда готов завалиться спать в любом месте, Алексис все же встал, не забывая заодно проклинать всех, кого только можно.

– Я разогрею пиццу! – радостно объявила Мона. Она вытирала мокрую голову полотенцем и была только в обтягивающих лосинах и майке.

После душа невыспавшийся Алексис сел за стол на кухне и опустил голову, пока сестра грела завтрак. Я стоял рядом с ним.

– Садись уже, – вслух обратился ко мне Алексис и отодвинул стул.

Мне стало очень приятно.

– Ты что-то сказал? – Мона обернулась.

В дверь позвонили, когда засвистел вскипевший чайник. Девушка сняла его с плиты и босиком пошла в коридор.

Открылась дверь, зашуршали пакеты, раздались женский и мужской голоса, от которых Алексис недовольно замычал.

– Мона, ты так похорошела за этот год! – восторженно заявил высокий мужчина, проходя с тяжелой ношей на кухню. – Можно смело выдавать замуж!

В ответ девушка обняла отца и забрала у него пакеты.

Папа Алексиса был крепким мужчиной с зачесанными назад светлыми волосами, идеально выбритым подбородком, яркими голубыми глазами и выразительными скулами. На вид ему примерно сорок пять, не больше, но черный шелко-

вый костюм скостил года три.

– Ну, здравствуй, сын.

Широкой сильной рукой мужчина отодвинул стул и сел напротив Алексиса. Я с интересом стал наблюдать за отношениями отца и сына.

– Зачем ты приехал? – Алексис даже не поднял голову, чтобы посмотреть на папу.

Тот озадаченно сложил руки.

– Хотел увидеть вас.

– Целый год нормально сидел в Амстердаме, а тут неожиданно захотел?

– Не разговаривай так с... – только начала Мона, но отец молча прервал ее взмахом руки.

Он выпрямил спину и прочистил горло.

– Послушайте, вы уже год живете здесь одни.

Вернее, Мона и раньше жила, она уже взрослая. А вот ты, Алексис, еще несовершеннолетний. Ты должен жить со мной...

– Я ничего тебе не должен после того, что ты сделал.

– Ты ведь понимаешь, что это был несчастный случай.

Нельзя же всегда жить прошлым.

– А ты понимаешь, что этого можно было избежать? – Алексис повысил голос, но отец продолжал говорить все так же спокойно.

– Я не заставляю навсегда уезжать из Фризенвейна, просто в Амстердаме смогу дать тебе достойное образование. Я

приглядел тут участок для ведения бизнеса.

Это мой подарок на твоё восемнадцатилетие. К тому моменту, как это место обустроят, ты повзрослеешь и прочувствуешь вкус работы. Тогда и переедешь обратно.

– А ты не слышал, что дарить подарки заранее нельзя?

– Все будет оформлено на тебя в день рождения. Сразу после завтрака, хочешь того или нет, я отвезу тебя туда.

Вены на шее Алексиса вздулись от злости. Он вцепился в край стола, словно собираясь опрокинуть его на отца. Мона поставила разогретую пиццу, салат, молоко и сэндвичи. Отец поблагодарил дочь и положил себе всего понемногу.

– Ешь, почему ты сидишь? – спросил он заботливо.

– Да пошел ты!

Он выскочил из-за стола и, не оглядываясь, убежал. Мужчина так и остался сидеть с поднятой вилкой.

Алексис лежал на кровати в своей комнате, уткнувшись лицом в большую мягкую подушку, и этим напоминал мне диснеевскую принцессу. Я начал разглядывать комнату: разбросанные диски, книги, одежда, рваные плакаты на стенах, куски которых валялись на полу; задернутые шторы и неубранная постель. Комната настоящего меланхолика. Просто в голове не укладывалось: меланхолия и Алексис.

– У тебя такой бардак.

– Ну, спасибо, Капитан Очевидность.

Он отвернулся.

Из-за беспорядка я не мог усидеть на месте: мысли мета-

лись, и ни одну из них было не поймать. Моя мама говорила: что у человека в комнате, то у него и на душе. Но это было правдой лишь отчасти. В моей комнате всегда царил порядок, но в душе властвовал хаос.

Я начал раскладывать все по местам. По крайней мере, поднимать вещи с пола. Здесь были и школьные учебники, и диски с «Голодными играми» и «Гарри Поттером». Ничего удивительного для Алексиса, ведь это одни из самых популярных фильмов за всю историю человечества. А вот наличие *этого* фильма в «скромной» коллекции дисков ввело меня в легкий ступор.

– Тебе нравится «Титаник»?

Я обернулся к парню. Он лежал на кровати и наблюдал за мной, опершись на подушку.

– Нет, сопливая драма. Но мне нравится момент, когда все умирают.

– Зачем же тебе тогда диск?

– Это Моны.

Ну да, конечно. Я не смог сдержать ухмылку и положил диск в стопочку на столе.

– А ты смотрел? – заинтересованно спросил Алексис.

– Нет, не смотрел.

– Хо-хо! Серьезно?

– Отец не разрешал мне смотреть этот фильм.

Я с горечью вспомнил былые дни. Они были серыми и скучными. В сериалах у детей бурная жизнь, но в реально-

сти все подростковое бытие состоит из школы, колледжа, ора родителей из-за неубранной комнаты и проблем с учебой. А, и еще несчастная любовь. Как же я мог забыть о ней?

– Когда по телевизору показывали «Титаник», папа сразу переключал на спортивные телеканалы, а возвращался к фильму ближе к концу, когда все умирали. Помню один случай. Я не смог сдержать слез и спрятался за диваном, чтобы поплакать, папа сидел и равнодушно продолжал смотреть, а потом переключил на политическую передачу.

Короткая исповедь вызвала ощущение опустошенности. Один из черных гробиков моих воспоминаний, которые я так тщательно старался захоронить, вдруг раскрылся. Теперь он растворился, а вместе с ним часть груза, что лежал на сердце.

Взгляд Алексиса стал задумчивым.

– А почему ты прятался за диваном?

– Мне не разрешали плакать. Мама ругала за это постоянно. Я был очень сентиментальным и ранимым ребенком.

– У тебя жуткие родители.

– Знаю. По крайней мере они старались быть такими. – Я продолжил маленькую уборку. – Кстати, а как зовут твоего отца?

– Бертольд...

Мы услышали приближающиеся к комнате шаги. Возле дверей стояла Мона. Волосы уже заплетены в косу, а вместо халата – серое домашнее платье.

– Ты собрался?

– Дверь закрой, – сквозь зубы процедил ее брат.

Мона молча вышла.

Алексис вскочил с кровати и подошел к шкафу. Он стянул с себя футболку и бросил ее в сторону. Я машинально потянулся к его одежде и поднял с пола. От нее веяло теплом, пахло чем-то особенным и необычным – это был запах тела Алексиса. Резкий, но приятный. Он стоял отвернувшись, словно поддразнивал меня, демонстрируя свою оголенную спину и бедра, плотно обтянутые серыми джинсами. Падающий свет очерчивал каждый мускул на его теле. Придавал коже нежно-бежевый оттенок, а волосам – цвет пшеницы.

Я был не в силах отвести восхищенный взгляд от Алексиса. Прошла всего пара секунд, но для меня они, наполненные любованием, растянулись на несколько часов. И я был готов смотреть дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.